

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.21702/rpj.2026.1.4>

Реконструкция переживания ситуации захвата заложниками на основе анализа нарративов

Мария О. Булич* , Галина У. Солдатова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

*Почта ответственного автора: mariya.bulichh@gmail.com

Аннотация

Введение. Захват заложников – одна из самых стрессогенных экстремальных ситуаций, оказывающих длительное воздействие на психику пострадавших. С опорой на концепцию переживания Ф. Е. Василюка в статье исследуются психологические феномены переживания заложниками террористического акта. **Новизна исследования** заключается в индуктивной реконструкции структуры переживания заложников как целостного субъективного процесса, протекающего в течение «ситуации захвата». **Методы.** С использованием метода обоснованной теории исследуются вторичные качественные источники – нарративы очевидцев (интервью в печатных и видео-форматах, воспоминания, открытые дневниковые записи в онлайн-формате), переживших трагедию заложников в Беслане и на Дубровке. Общий объем материалов составил 23 текста, возраст интервьюируемых и очевидцев на момент захвата у всех участников был от 18 лет. Аналитическая процедура включала открытое и осевое кодирование, метод постоянного сравнения категорий. Для повышения надежности использовалось двойное кодирование: часть материалов была независимо проанализирована внешним экспертом, имеющим опыт в области психологии экстремальных ситуаций. **Результаты.** Выделены ключевые категории, отражающие субъективный опыт заложников непосредственно во время захвата. Описаны особенности и структурные элементы эмоционального, когнитивного, поведенческого компонентов переживания, в том числе в контексте феномена стокгольмского синдрома, а также динамические особенности и переходы между выделенными феноменами и структурными компонентами (от шока к надежде, от оцепенения к мобилизации). **Обсуждение результатов.** Полученные результаты

углубляют понимание психологической работы личности в момент экстремального события и служат основой для дальнейшей реконструкции динамических аспектов переживания заложников как особой внутренней деятельности в ситуации террористического акта.

Ключевые слова

переживание, заложники, экстремальный стресс, нарратив, стокгольмский синдром, обоснованная теория

Для цитирования

Булич, М. О., Солдатова, Г.У. (2026). Реконструкция переживания ситуации захвата заложниками на основе анализа нарративов. *Российский психологический журнал*, 23(1), 61–79, <https://doi.org/10.21702/rpj.2026.1.4>

Введение

Экстремальные ситуации – это события, сопряженные с реальной угрозой жизни, внезапностью и высокой неопределенностью (Drury, 2007). Захват заложников представляет собой одну из наиболее травматичных форм стрессовых ситуаций. Он включает сочетание физического и психологического насилия, угрозу жизни, утрату свободы и контроля над происходящим. В отличие от стихийных бедствий или техногенных катастроф, здесь агрессия исходит от другого человека или группы людей и воспринимается как преднамеренная, что резко нарушает базовые представления о безопасности, предсказуемости и доверии к миру, деформирует образ реальности и подрывает устойчивые личностные структуры, в том числе базовые убеждения о себе и мире (Зинченко, Солдатова, Шайгерова, 2011; Солдатова, Шайгерова, Шляпников, 2008; Шойгу, 2007; Шойгу, 2019).

Анализ международной организации «Помощь заложникам по всему миру» (2024) показал, что в период с 2000 по 2019 годы число удержаний заложников, как государственными, так и негосударственными субъектами, увеличилось более чем в 30 раз. В аналитическом прогнозе отмечено, что эта тенденция будет сохраняться и в 2020–2029 годах (Hostage Aid Worldwide, 2024). В России наиболее крупными случаями остаются ситуации в Буденновске (1995), на Дубровке (2002) и в Беслане (2004), где были захвачены сотни мирных граждан. Несмотря на наличие публикаций, посвященных последствиям терактов, непосредственный субъективный опыт заложников в момент удержания по-прежнему остается малоизученным, при этом понимание особенностей «острых» состояний и их динамики играет важную роль при планировании спасательных операций во время и после инцидента (Решетников, 2006).

Согласно концепции Ф. Е. Василюка, переживание критической ситуации представляет собой особую форму внутренней психической активности, направленной на преодоление кризиса и восстановление целостности жизненного мира (Василюк, 1984; 2014). «Ситуация захвата» или «захват заложников» в юридическом контексте обычно рассматривается как ситуация захвата или удержания лица (лиц) в качестве заложников с целью принуждения третьей стороны к совершению или отказу от совершения каких-либо действий как условия освобождения заложника (Уголовный кодекс Российской Федерации [УК РФ], 1996, ст. 206). Это преступление относится к числу наиболее тяжелых по типологии кризисов, так как предполагает возникновение серьезных угроз для личности: фрустрацию, опасность для жизни, дезориентацию, утрату контроля и разрушение смысла. В настоящем исследовании переживание трактуется на основе концепции Ф.Е. Василюка как внутренняя деятельность субъекта, возникающая в ответ на разрушение устойчивого жизненного порядка и направленная на его восстановление (Василюк, 1984; 2014).

В настоящее время в психологии отсутствуют реконструированные описания субъективного опыта заложников, позволяющих выявить его содержательные и структурные компоненты. Несмотря на развитие исследований посттравматического стресса (Bisson, 2007; Brewin, Andrews & Valentine, 2000) и посттравматического роста (Tedeschi & Calhoun, 2004), изучение последствий экстремальных ситуаций для военных, жертв терроризма, захвата заложников и их семей (Easton & Turner, 1991; Favaro, 2000; Solomon, 1988; Laufer & Solomon, 2006; Отрадинская, 2011), негативных психических процессов, характерных для фазы удержания в «ситуации захвата», остаются малоизученными.

Цель исследования: психологическая реконструкция феноменологии переживания ситуации захвата на основе анализа нарративных данных бывших заложников.

Мы предполагаем, что субъективное переживание заложниками ситуации захвата имеет сложную внутреннюю структуру и включает феномены, отражающие различные аспекты внутренней психической деятельности человека в условиях экстремальной угрозы. Эти феномены могут быть реконструированы путем индуктивного анализа нарративов бывших заложников.

Новизна исследования заключается в индуктивной реконструкции структуры переживания заложников как целостного субъективного процесса, протекающего в момент захвата. Выделены и описаны основные компоненты переживания, включая динамические проявления и возможные взаимосвязи, что расширяет представления о природе адаптации человека к экстремальному стрессу и дает основания для дальнейшего изучения динамических аспектов кризисного реагирования.

Методы

В исследовании использован метод обоснованной теории (Strauss & Corbin, 1998; Charmaz, 2006; Clarke, 2005), позволяющий выстраивать концептуальные модели на

основе индуктивного анализа текстов. Материалом послужили нарративные данные бывших заложников, полученные из открытых источников: интервью, документальных фильмов, онлайн-дневников. Применялись процедуры начального, фокусированного и теоретического кодирования, что позволило выявить основные категории и их взаимосвязи, а также двойного кодирования для повышения валидности. Этические требования были соблюдены за счет анализа только публичных данных без обращения к респондентам напрямую.

Для анализа феноменов психологического переживания в условиях теракта в настоящем исследовании использованы вторичные данные в виде нарративов бывших заложников — текстов от первого лица, опубликованных в открытых источниках. Решение опереться на подобные материалы продиктовано как этическими, так и методологическими соображениями. Прямой сбор данных (например, интервьюирование) представляет значительный риск ретравматизации для пострадавших и зачастую невозможен по причине временной удаленности событий (Heaton, 2004; Hinds, 1997). Личные тексты, уже находящиеся в открытом доступе, позволяют исследователю работать с реальными свидетельствами, не нарушая приватности и не вовлекая людей в повторное воспроизведение травматического опыта (Heaton, 2004).

Использование нарративов как эмпирического материала основано на принятых в качественной методологии представлениях о том, что такие тексты являются не только допустимым, но и значимым источником данных о субъективном опыте (Wertsch, 2002; Ankersmit, 2005). Подобная позиция соотносится с культурно-исторической традицией, в которой внутренние психические процессы рассматриваются как опосредованные социальным взаимодействием и формируемые в речи (Выготский, 1983). Согласно концепции памяти Ф. Бартлетта, воспоминание представляет собой реконструктивный процесс, в котором исходный опыт воспроизводится не буквально, а через призму культурных и личностно-смысловых схем (Bartlett, 1932). В данном исследовании эта позиция учитывается как методологическое допущение: осознавая, что тексты не отражают события в их объективной последовательности, исследователь рассматривает их как выражение личной переработки травматического опыта. Однако при фокусе на фрагментах, содержащих описание состояний и реакций, возникших в период пребывания в заложниках, такие тексты становятся возможным источником сведений о феноменах переживания.

Эмпирический материал составили тексты-нарративы очевидцев захватов: расшифрованные интервью, опубликованные воспоминания, личные записи в блогах от первого лица. Конкретно были отобраны свидетельства жертв двух терактов в России: захвата школы в Беслане (2004 г.) и театрального центра на Дубровке (Норд-Ост, 2002 г.).

Для повышения валидности исследования и учета реконструктивной природы памяти в анализ включались только те тексты, которые отвечали следующим требованиям:

- авторство от первого лица: текст должен быть представлен как личное свидетельство пережившего человека;
- наличие описаний событий, происходивших в момент пребывания в заложниках (а не после освобождения);
- вербализация собственных состояний, впечатлений и реакций, связанных с непосредственным переживанием в момент ситуации захвата;
- достаточная конкретность и подробность нарратива, позволяющая выделить осмысленные единицы анализа.

Из анализа исключались материалы, которые:

- представляли собой пересказ событий третьими лицами (журналистами, родственниками, исследователями);
- содержали исключительно постфактум-рефлексию — размышления об уроках, смыслах, моральных или политических выводах;
- не позволяли надежно установить временной локус описываемого опыта (например, тексты с размытыми временными рамками или абстрактным изложением);
- не содержали признаков внутреннего реагирования на ситуацию (например, ограничивались сухим или исключительно внешним изложением хода событий).

В исследовании изучались 23 текста, суммарный объем которых составил 144 машинописных страницы. Среди них: 8 текстов, посвященных теракту в Беслане; 15 текстов, посвященных теракту на Дубровке; 4 текста представляли собой стенограммы видеointервью, включающие речевые и невербальные маркеры (например, описание интонаций, плача, смеха). Эти интервью не содержали визуального ряда, позволяющего дополнительно анализировать феномен переживания в ситуации захвата, и потому анализировались как текстовые данные, включенные в общий массив источников.

Возраст интервьюируемых и очевидцев на момент захвата варьировал **от 18 до 63 лет** по имеющимся в источниках биографическим сведениям.

С учетом требований российского законодательства об авторских правах и уважения к частной жизни пострадавших, в тексте статьи прямое цитирование применяется исключительно к материалам, находящимся в публичном доступе, и только в том объеме, который оправдан научными задачами исследования. В аналитической части используются в большей степени обобщенные формулировки, а типичные формы переживаний описываются на основе обезличенных примеров.

Метод обоснованной теории использовался в конструктивистской версии (Clarke, 2005; Charmaz, 2006), согласно которой теория рассматривается как результат смысловой работы исследователя в контексте конкретного аналитического взаимодействия с текстами. Такой подход допускал реконструкцию феноменов переживания как живого субъективного опыта, не сводимого к заранее определенным объяснительным моделям.

Единицей анализа на этапе открытого кодирования в исследовании выступали фрагменты нарративов, содержащие высказывания, описывающие внутренние состояния, реакции и формы поведения заложника в момент захвата. Эти фрагменты в дальнейшем подвергались первичному кодированию с последующей категоризацией. Близкие по значению единицы группировались в укрупненные категории, репрезентирующие устойчивые модусы реагирования и содержания субъективного опыта. На последующих этапах осевого и теоретического кодирования выстраивались связи между категориями, а также результаты соотносились с концепцией переживания, что позволило реконструировать его структуру и выделить особенности внутренней организации. Сопоставление кодов с исходными текстами велось на протяжении всего анализа, что обеспечивало поэтапную абстракцию и формирование концептуального каркаса (Хорошилов, Машков, 2020; Мельникова, Хорошилов, 2020; Бусыгина, 2022).

Анализ осуществлялся вручную с использованием табличной системы на базе Microsoft Excel. Такой подход был обусловлен как умеренным объемом материала, так и необходимостью постоянного сопоставления кода с контекстом нарратива, что требовало высокой гибкости и контроля со стороны исследователя.

Для повышения надежности использовалось двойное кодирование: часть материалов была независимо проанализирована внешним экспертом, имеющим опыт в области психологии экстремальных ситуаций. Сопоставление кодов проводилось на уровне укрупненных категорий; расхождения обсуждались до достижения согласия в интерпретации. Формализованная оценка коэффициента согласованности не проводилась, поскольку в конструктивистском подходе приоритет отдается качественной интерпретации и интерсубъективной согласованности аналитических позиций.

Анализ завершился на этапе достижения теоретического насыщения — момента, когда новые данные переставали вносить существенные изменения в состав и структуру категорий, подтверждать устойчивость сформированной концептуальной модели.

Результаты

В ходе качественного анализа была выделена 401 единица анализа, описывающая различные особенности состояния заложников во время захвата. На этапе фокусированного и теоретического осмысления эти единицы были сгруппированы в три обобщенные категории, отражающие условную структуру переживания: эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. Внутри каждой из них были выделены подкатегории, уточняющие типы реакций и содержания субъективного опыта. Кроме того, была оформлена отдельная категория, отражающая проявления механизмов идентификации с агрессором, аналогичных стокгольмскому синдрому. Все выделенные категории представлены в табл. 1.

Таблица 1

Категории, полученные в результате анализа переживания заложников во время теракта, и их содержание

Категория	Подкатегории / Содержание (при отсутствии подкатегорий)
Эмоциональный компонент	Страх, аффект, стресс, спокойствие, злость, паника, агрессия, отчаяние, эмоциональное оцепенение, тревога.
Когнитивный компонент	Искажение восприятия ситуации Отношение к ситуации Взаимодействие с заложниками
Поведенческий компонент	Взаимодействие с захватчиками Отношения с внешним миром Обеспечение безопасности Индивидуальное совладающее поведение
Стокгольмский синдром	Сопереживание и понимание по отношению к захватчику, идентификация с агрессором

Эмоциональный компонент

Анализ эмоциональных реакций заложников позволяет рассматривать их не только как непосредственные аффективные проявления, но и как часть внутренней работы субъекта в условиях экстремального кризиса. Согласно концепции переживания Ф. Е. Василюка (1984), подобные состояния отражают особую форму жизнедеятельности, возникающую при блокировке внешнего действия и направленную на восстановление нарушенных связей с жизненным миром и сохранение внутренней целостности личности.

Во многих нарративах описаны интенсивные состояния страха, ужаса, ступора, оцепенения, которые возникают на фоне резкого краха привычной смысловой структуры: «кто-то наоборот окаменел», (BBC News Russian, 2017, параграф 11), «Все были очень сильно испуганы», «В первые часы мое состояние было паническим» (Степанова, 2006, с. 1). Эти переживания могут пониматься как начальная стадия переживания в деятельностном смысле, в которой субъект фиксирует разрушение опор и запускает процесс внутреннего реагирования (Василюк, 1984).

Острые аффективные проявления – плач, крики, истерический смех – могут рассматриваться как способы спонтанной регуляции аффективного перенапряжения,

вызванного травматическим событием. Данные феномены иллюстрируют примеры: «кто-то впал в истерику» и «у народа была и паника, и истерика» (BBC News Russian, 2017, параграфы 11, 24), «у кого-то начиналась истерика» (Степанова, 2006, с. 1). Согласно модели М. Хоровица, подобные реакции можно отнести к стадии дезорганизации, они служат переходом к когнитивной переработке травматического опыта (Hogowitz, 1986). С точки зрения модели совладания они также могут интерпретироваться как эмоционально ориентированные стратегии копинга, направленные на снижение субъективного дистресса (Lazarus & Folkman, 1984). Такие механизмы не противоречат пониманию переживания, а могут быть вписаны в его структуру как часть попытки сохранить субъективную устойчивость в условиях заблокированной активности.

В некоторых случаях участники описывали состояния эмоционального онемения, отрешенности или внутреннего «выключения»: «впали в какое-то оцепенение», «просто и без эмоций», «взяла и отстранилась» (Рохлин и др., 2003, параграфы 32–33). Эти состояния можно соотнести с концепцией переживания Ф. Е. Василюка, в которой критическая ситуация понимается как состояние невозможности действия и реализации значимых потребностей (Василюк, 1984). В этом контексте эмоциональное онемение может рассматриваться как первичная реакция на данную невозможность, которая в дальнейшем может переходить в процесс внутренней деятельности по переживанию критической ситуации. Параллельно подобные описания находят отклик в теории посттравматической диссоциации, в рамках которой они рассматриваются как адаптивный механизм временного отключения в условиях крайней угрозы (Van der Kolk, 2014).

Эпизоды гнева или агрессии, направленные на террористов или неопределенный внешний объект, могут трактоваться как попытки мобилизации и сохранения активности в условиях утраты контроля. В концепции Василюка такие проявления можно интерпретировать как внутреннее действие — форму сопротивления ситуации и восстановления субъектной позиции (Василюк, 1984). Аналогично, по данным Дж. Янов-Бульман, гнев в условиях травмы может выполнять функцию защиты нарушенных базовых убеждений и служить механизмом переработки бессилия (Janoff-Bulman, 1992).

Таким образом, эмоциональный компонент переживания не сводится к перечню чувств, а охватывает сложную внутреннюю динамику — от потрясения к попыткам внутреннего упорядочивания и мобилизации. Эти данные подтверждают понимание переживания как деятельностного процесса, восстанавливающего связность субъекта с собой и с миром (Василюк, 1984). Нарративы, содержащие элементы смены состояний, подводят к необходимости дальнейшего изучения динамической структуры переживания, включая ее фазовые и функциональные переходы.

Когнитивный компонент

Данный компонент включает особенности восприятия, внимания, памяти, мышления и оценочных суждений, отраженные в нарративах заложников. Его анализ позволяет

выявить, как когнитивные процессы взаимодействуют с эмоциональным фоном, формируют устойчивые или, напротив, фрагментарные внутренние картины происходящего. В русле концепции переживания Ф. Е. Василюка такая внутренняя активность может трактоваться как форма деятельностной переработки критической ситуации, возникающая в условиях невозможности внешнего действия и направленная на восстановление нарушенного жизненного мира и сохранение целостности субъекта (Василюк, 1984).

Во многих свидетельствах зафиксированы эпизоды дереализации: происходящее описывается как «нереальное», как фильм. Эти состояния могут быть интерпретированы как проявления диссоциации — защитной реакции, снижающей эмоциональную интенсивность через нарушение восприятия (Van der Kolk, 2014). Также отмечается сужение внимания до отдельных сенсорных элементов (звуков, лиц, движений) при игнорировании остального фона. Подобная фокусировка соответствует феномену «туннельного внимания», возникающему при восприятии угрозы и связанному с перераспределением когнитивных ресурсов на наиболее значимые стимулы (Horowitz, 1986). В терминах Ф.Е. Василюка такая концентрация может рассматриваться как первичная адаптивная форма внутренней активности, позволяющая удерживаться в ситуации за счет сохранения минимальной ориентировки в происходящем.

Наряду с этим, в нарративах часто упоминаются искажения временной и пространственной ориентации: субъективное ощущение «остановившегося» или «растянутого» времени, нарушение последовательности событий: «не понимала, где ночь, где день» (Локшина, 2002, параграф 20), «время шло очень медленно», «я засыпал минут на пятнадцать, а казалось, что спал несколько часов» (Сталь, 2002, с. 2–3). Эти феномены согласуются с описаниями нарушений хроноперцепции в условиях травматического стресса (Lifton, 1967) и могут рассматриваться как проявления дестабилизации структуры жизненного времени. В концепции Ф.Е. Василюка это может соотноситься с фазой «разрыва» в структуре переживания, когда привычная организация жизненного мира оказывается нарушена и требует внутренней реконструкции (Василюк, 1984).

При этом в ряде нарративов описаны когнитивные акты, направленные на осмысление происходящего: внутренние вопросы, мысленные сценарии развития событий, прогнозы и планы («Специально вспоминали какие-то бытовые мелочи, планы строили»; Амелькина, Велигжанина, Сафонова, 2002, параграф 16). Эти элементы могут трактоваться как формы смыслообразующей деятельности, отражающей стремление субъекта восстановить связность и предсказуемость мира (Park, 2010; Janoff-Bulman, 1992). В теории переживания такие процессы соответствуют фазе «развертывания» — активной внутренней работе, способствующей преодолению когнитивного разрыва и возвращению субъектной позиции.

Наконец, динамика когнитивной оценки происходящего — от шока к кратковременной надежде, от отчаяния к внутренней мобилизации — подчеркивает

тесную связь между когнитивными и эмоциональными процессами. В рамках теории переживания эти переходы можно интерпретировать как аспекты в том числе процессов восстановления жизненного мира и субъектной активности, нарушенных экстремальной ситуацией.

Таким образом, когнитивный компонент охватывает не только нарушения восприятия, памяти и мышления, но и элементы внутренней переработки, направленные на интеграцию критического опыта. Это позволяет рассматривать переживание как активный, поэтапный процесс смысловой реконструкции, протекающий в условиях утраты внешнего действия и требующий мобилизации внутренних ресурсов субъекта.

Поведенческий компонент включает разнообразные действия, предпринимаемые заложниками в условиях террористического захвата. Эти действия можно рассматривать как внешние проявления внутренней работы субъекта по преодолению критической ситуации. В контексте концепции переживания Ф. Е. Василюка поведение отражает не только реакцию на угрозу, но и попытки сохранить субъектность, восстановить целостность и обрести опору в условиях, где прежние способы действия становятся недоступными.

Одним из центральных поведенческих векторов становится стремление обеспечить физическую безопасность. Сюда входят действия по укрытию, соблюдение требований террористов. Подобные проявления могут трактоваться как попытки минимизации угрозы и концентрации ресурсов на поддержании жизни. Несмотря на внешнюю пассивность, эти действия могут быть осмыслены как стратегия выбора меньшего зла, отражающая адаптивную активность в условиях ограничения.

Наряду с этим наблюдаются индивидуальные стратегии совладания, направленные не столько на внешнюю ситуацию, сколько на внутреннее состояние. Использование молитвы («тогда стала молиться, молиться очень искренне», «мы даже вместе молились» (Лютых, Окунев, 2022, параграфы 37, 39)), фантазирования, ментального отвлечения («Мы все время во что-нибудь играли. В слова, морской бой, дурацкие крестик-нолики, доколик смеялись (Рохлин др., 2003, параграф 34)) и других форм самоуспокоения указывает на попытку субъекта сохранить внутренний порядок, символическую опору и связность сознания. В терминах Ф. Е. Василюка такие действия можно рассматривать как способы «работы переживания», где человек ищет новые основания для удержания себя в ситуации, разрушившей привычный способ бытия.

Поведенческий компонент включает также взаимодействие с другими заложниками, где проявляется стремление к поддержке, взаимопомощи, совместной регуляции эмоционального напряжения: «Рассказывали в лицах соседям, как дальше развивались события в спектакле. Поддерживали, как могли» (Кичин, 2002, параграф 28), «все друг другу как-то помогали» (Лютых, Окунев, 2022, параграфы 37, 39). Эти формы поведения позволяют говорить о коллективном измерении переживания: объединение в минимальное «мы» может служить формой восстановления утраченной социальной структуры и ценностного ориентира. Взаимопомощь, участие, альтруизм,

равно как и игнорирование или отчуждение, становятся индикаторами различного качества и глубины переживания происходящего.

Контакты с захватчиками, пусть и ограниченные, также несут поведенческую нагрузку. Некоторые заложники вступали в диалог, пытались переубедить, влиять, получать информацию, тем самым восстанавливали хотя бы символическое ощущение влияния на происходящее («Мы пытались разговаривать с террористками», «Мы спрашивали, почему же они, мусульмане, поднимают руку...», Степанова, 2006, с. 2). В отдельных случаях подобное поведение может быть интерпретировано как форма поддержания субъектности, где человек использует коммуникацию как инструмент адаптации.

Все это демонстрирует, что поведение заложников нельзя свести к реактивной модели. Оно отражает *динамические переходы* между состояниями: от оцепенения к действию, от подчинения к внутреннему сопротивлению, от дезорганизации к поиску новых форм порядка. Эти переходы не всегда линейны и зависят от множества факторов: личностных ресурсов, социального окружения, символических опор. Анализ поведенческого компонента позволяет фиксировать не только внешние формы адаптации, но и глубинные трансформации в структуре переживания.

Таким образом, поведение в экстремальной ситуации следует рассматривать как важный пласт переживания, в котором отражаются как защитные, так и преобразующие процессы. Это открывает перспективу к изучению **динамического компонента**, фиксирующего изменения форм реагирования и способов удержания субъектности в условиях, разрушающих обыденную жизненную структуру.

Стокгольмский синдром. Анализ нарративов показал наличие своеобразных форм идентификации с захватчиком, которые могут быть интерпретированы как проявления феномена, известного в литературе под названием «стокгольмский синдром». Данный феномен является контекстно специфичным, то есть формируется преимущественно в условиях насильственного захвата, длительной изоляции и угрозы жизни, и описан как парадоксальная форма адаптации к экстремальной ситуации, при которой заложники проявляют положительные чувства, сопереживание и симпатию к похитителям (Favao, 2000; Namnyak et al., 2008; Kumar, 2022)

В рамках настоящего исследования подобные проявления не рассматривались как однозначный клинический синдром, но были выделены в отдельный компонент как значимая часть переживания. Такие формы отношения к захватчику можно трактовать как **совладающее поведение**, направленное на снижение внутреннего напряжения и восстановление хотя бы частичной психологической устойчивости в условиях полной внешней зависимости. Это согласуется с идеей Ф.Е. Василюка о переживании как внутренней работе субъекта по восстановлению разрушенного жизненного мира: в ситуации, когда привычные опоры исчезают, человек может стремиться встроиться в новую систему координат — в данном случае в ролевую структуру, навязанную захватчиком.

В материалах прослеживаются два направления подобной адаптации:

1. Формирование сочувствия, эмпатии, символической идентификации с захватчиком. Это выразилось в описаниях сочувствия, попыток понять захватчика, сожаления об обстоятельствах их жизни. Также это может включать как понимание мотивации террористов, так и действий, направленные на установление с ними контакта, помощь им или эмоциональную вовлеченность. Подобные реакции могут представлять собой попытку субъекта снизить воспринимаемую угрозу, превращая фигуру агрессора в потенциально близкого или оправданного. В культурно-исторической логике переживания подобная трансформация позволяет сохранить внутреннюю связанность опыта, пусть и за счет изменения отношения к происходящему.

2. Негативное отношение к властям и внешнему миру. На фоне обостренной уязвимости и ограниченного доступа к информации у некоторых заложников возникали выраженные критические или даже враждебные оценки действий силовых структур. Это может рассматриваться как смещение фокуса агрессии с непосредственного источника угрозы (захватчика) на внешнего наблюдателя, в том числе в связи с тем, что власть часто воспринимается как неэффективная, не спасающая. Такое смещение выполняет защитную функцию, позволяя сохранить в сознании иллюзию управляемости ситуации и минимизировать ощущение полной беспомощности.

Важно подчеркнуть, что подобные проявления не возникали одномоментно. В ряде случаев отмечалась динамика отношений с захватчиком, от страха и ужаса до попыток контакта, сочувствия или даже защиты. Эти переходы подчеркивают необходимость анализа не только содержания переживаний, но и их временной эволюции — динамических сдвигов, которые могут многое сказать о способах совладания с критической ситуацией

Таким образом, подобные феномены следует рассматривать как часть более широкого процесса, в рамках которого человек ищет способы сохранить внутреннее равновесие. Они тесно связаны с остальными выделенными компонентами переживания и могут рассматриваться как индикатор глубины кризиса, с которым сталкивается личность. Их появление требует не оценки, а внимательного и многомерного анализа, в том числе при построении комплексных моделей поведения и переживания заложников.

Следует отдельно упомянуть, что в опыте всех заложников большую роль играло физическое состояние: усталость, жажда, боль от полученных ранений, неудобство поз. Хотя физическое истощение не было выделено нами в самостоятельную категорию (оно выступает постоянным фоном, а не психическим феноменом), его влияние на возможность разворачивания процесса переживания или наоборот выбора автоматических реакций играет важную роль.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ нарративов позволил реконструировать ключевые компоненты переживания ситуации захвата заложников: когнитивный, эмоциональный, поведенческий и феномен, сходный с проявлениями стокгольмского синдрома. Каждый из этих компонентов демонстрирует не только содержательные характеристики, но и динамические изменения в течение времени захвата. В том числе на заключительных этапах кодирования были выявлены важные динамические аспекты, позволяющие продемонстрировать понимание внутреннего процесса переживания как развернутой психической деятельности. Полученные результаты, отражающие данные компоненты переживания, согласуются с результатами обзорных работ, в которых описывается многообразие реакций индивидуальных и групповых заложников, объединенных в эмоциональную, когнитивную, социальную сферу, а также описаны возможные проявления стокгольмского синдрома и некоторые специфические особенности восприятия (Alexander & Klein, 2009; 2010). Недавнее качественное исследование на основе вторичных данных копинг-механизмов людей, находившихся в ситуации в Газе, показало, что внутриличностные и межличностные стратегии совладания используются одновременно и изменяются в зависимости от условий; при этом зрелость, опыт и возраст оказывают влияние на выбор механизмов (Levkovich et al., 2025). Таким образом, соответствие между полученными результатами и литературой подтверждает необходимость рассматривать переживание заложничества как динамический процесс. При этом анализ и обзорных работ, и эмпирических исследований показывает, что переживание не только стадийный процесс, а целостный комплекс взаимосвязанных когнитивных, эмоциональных, поведенческих и социально-значимых стратегий, изменяющихся во времени.

Когнитивный компонент на начальных этапах переживания проявлялся преимущественно в форме фрагментарных и сенсорных образов. Подобные когнитивные особенности описаны и в исследовании Alexander и Klein (2009), где у заложников отмечались спутанность, дезориентация, нарушения концентрации и навязчивые воспоминания.

Под воздействием эмоциональной и ситуационной нагрузки когнитивная переработка происходящего постепенно переходила к более организованной, хотя и часто избирательной интерпретации событий. Внимание фокусировалось на критически значимых стимулах, что можно рассматривать как проявление адаптивной мобилизации когнитивных ресурсов в условиях экстремального стресса.

Данная трансформация когнитивных процессов соотносится с представлением о переживании как деятельности (Василюк, 1984), предполагающей динамическое перераспределение внимания, когнитивных оценок и смысловых ориентиров в зависимости от уровня угрозы и доступности психологических опор.

Эмоциональный компонент также демонстрировал выраженную динамику. В начальной фазе преобладали острые стрессовые реакции (шок, паника, ступор),

тогда как в дальнейшем участники описывали состояния подавленности, агрессии, стремление к смирению или поиску внутреннего равновесия. Сходная динамика эмоциональных состояний зафиксирована в исследованиях копинг-стратегий у бывших пленников, которые нередко опирались на надежду воссоединения с семьей или на религиозную веру, что придавало смысл страданиям и снижало уровень дистресса. В интервью с израильскими заложниками именно надежда на встречу с близкими и вера выступали мощными эмоциональными ресурсами, позволявшими выжить в условиях плена (Levkovich et al., 2025). Эти изменения можно интерпретировать как проявления перехода от фазы аффективной дезорганизации к мобилизации и последующему поиску внутренних ресурсов. Эмоциональные состояния не только оказывали влияние на когнитивную и поведенческую сферы, но и выполняли регулирующую функцию, формируя феномены переживания и поддерживая образ будущего.

Поведенческий компонент варьировался от конформных реакций и избегания до рискованных активных действий, направленных на спасение себя и других. На протяжении захвата прослеживалась смена форм поведения, где пассивные реакции сменялись более активными или, наоборот, действия уступали место адаптивному замиранию. Схожая вариативность поведения отмечается и в межличностных стратегиях, описанных в других исследованиях: заложники переходили от замкнутости к взаимопомощи и «мы-чувству», находили смысл в заботе о детях, использовали профессиональную идентичность как ресурс, а также выстраивали «рекурсивные» отношения с похитителями, что позволяло смягчать угрозы и поддерживать групповую устойчивость (Levkovich et al., 2025). Эти изменения могут быть рассмотрены как последовательные этапы произвольного и непроизвольного реагирования, встроенные в динамику переживания как особой деятельности по восстановлению субъективного контроля и смысловых опор.

Отдельное внимание заслуживает феномен, сходный с проявлениями стокгольмского синдрома, который в ряде случаев развивался на фоне предыдущих компонентов. Его признаки (эмпатия к захватчикам, идентификация, негативизм в отношении властей) также обнаруживали динамическую природу: от первоначального страха и враждебности – к сочувствию, пониманию, благодарности, иногда даже готовности помочь. Данный феномен можно рассматривать как особую форму смыслообразования в условиях утраты внешнего контроля, что согласуется с идеей переживания как процесса внутреннего создания или перестройки жизненного мира в экстремальных обстоятельствах.

Таким образом, результаты анализа подтверждают возможность рассмотрения переживания захвата не как фиксированной реакции, а как развернутой внутренней работы, где каждый компонент может изменяться во времени, взаимодействовать с другими и способствовать либо дезорганизации, либо восстановлению субъектной позиции. Это позволяет выйти за пределы линейных или стадийных моделей и рассматривать динамические комплексы — устойчивые сочетания когнитивных, эмоциональных и поведенческих элементов, сменяющие друг друга в зависимости

от этапа событий и индивидуальных особенностей. Сходная идея прослеживается и в обзорных исследованиях, где подчеркивается множественность и изменчивость реакций заложников (Alexander & Klein, 2009; 2010), а также в недавней работе Levkovich и коллег (2025), показавшей, что внутриличностные и межличностные стратегии совладания функционируют одновременно и трансформируются в зависимости от условий.

Полученные данные также подчеркивают значимость изучения динамики переживания: переходов между состояниями, внутреннего временного развертывания реакции, формирования смыслов и опор в ходе плена. В перспективе представляется ценным анализировать переживание не только по компонентам, но и как целостный процесс во времени, выделяя типичные динамические конфигурации и возможные траектории адаптации.

Особое внимание заслуживает перспектива анализа детской выборки. Дети-заложники, в силу возрастных, когнитивных и эмоциональных особенностей, могут демонстрировать иные формы переживания.

К ограничениям исследования можно отнести использование вторичных данных, отсутствие возможности прямого контакта с респондентами, а также неравномерность представления возрастных, гендерных и ситуативных параметров. Несмотря на это, нарративный материал обладает значительным потенциалом для реконструкции субъективного опыта в условиях, недоступных для традиционных методов

Заключение

Настоящее исследование позволило реконструировать структуру переживания заложников в ситуации террористического захвата, опираясь на анализ их нарративов и метод обоснованной теории. В результате были выделены четыре взаимосвязанных компонента переживания: когнитивный, эмоциональный, поведенческий и компонент стокгольмского синдрома. Каждый из них включает внутреннюю дифференциацию и характеризуется собственной структурой, проявлениями и взаимосвязями с другими аспектами переживания.

Полученные данные демонстрируют, что даже в условиях крайнего внешнего принуждения и отсутствия контроля человек продолжает активную внутреннюю работу по осмыслению, сохранению целостности и адаптации к экстремальной ситуации. Переживание в этой ситуации носит не только ситуативный, но и процессуальный характер.

Важно подчеркнуть, что в ходе анализа были зафиксированы проявления динамических изменений: переходы между психическими состояниями, колебания интенсивности переживания и смена доминирующих форм реагирования. В частности, в нарративах прослеживались **эмоциональные переходы** (от шока и паники к кратковременной надежде, от отчаяния к смирению), **когнитивные изменения** (от фрагментарного и искаженного восприятия происходящего к попыткам осмысления

ситуации и построения мысленных сценариев развития событий), а также **изменения поведенческих стратегий** (от оцепенения к более активным формам поведения).

Описанная динамика указывает на то, что переживание не является статичным набором реакций, а представляет собой процесс, чувствительный к изменениям условий самой ситуации. Так, в ряде свидетельств изменение реакций соотносилось с развитием событий захвата, изменением уровня угрозы, взаимодействием с захватчиками или поддержкой со стороны других заложников. Вместе с тем вариативность описываемых форм реагирования позволяет предположить и роль индивидуальных особенностей личности, например, доступных психологических ресурсов, способов совладания и личностных стратегий интерпретации происходящего. Таким образом, даже ограниченное описание динамических переходов указывает на возможную значимость ситуационных и индивидуальных факторов в развитии переживания экстремальной ситуации.

Анализ динамических аспектов не являлся основной задачей настоящего исследования, выявленные переходы были зафиксированы лишь на уровне отдельных наблюдений. Тем не менее полученные данные указывают на перспективность дальнейшего изучения временного развертывания переживания, а также возможности выделения устойчивых динамических комплексов, отражающих закономерности последовательности изменений в структуре внутренней жизни заложников.

Структура переживания, описанная в работе, отражает не только внутреннюю жизнь субъекта в критической ситуации, но и его отношение к другим людям, миру и самому себе. Эти данные могут быть использованы для разработки психологических вмешательств, программ реабилитации и подготовки специалистов, работающих с пострадавшими в чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, исследование вносит вклад в понимание процессов переживания в экстремальных ситуациях с захватом заложников и открывает новые перспективы для понимания сложности, многоуровневости и динамичности внутреннего мира человека в подобных условиях.

Литература

- Амелькина, А., Велигжанина, А., Сафонова, М. (2002, 31 октября). Рассказывают заложники В. Попов, С. Ильина. Комсомольская правда. https://nord-ost.org/terakt/rasskazyvayut-zalozhniki-v.popov-s-ilina_ru.html
- Бусыгина, Н. П. (2022). *Качественные и количественные методы исследований в психологии: Учебник для вузов*. Москва: Издательство Юрайт.
- Василюк, Ф. Е. (1984). *Психология переживания*. Москва: Издательство Московского университета.
- Василюк, Ф. Е. (2014). Типы духовного совладания. *Консультативная психология и психотерапия*, 22(5), 139–152.
- Выготский, Л. С. (1983). *Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики*. Москва: Педагогика.
- Зинченко, Ю. П., Солдатова, Г. У., Шайгерова, Л. А. (2011). Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков. *Национальный психологический журнал*, (2), 98–111.

- Кичин, В. (2002, 29 октября). Рассказывает заложник Георгий Васильев. *Nord-Ost*. https://nord-ost.org/terakt/rasskazyvaet-zalozhnik-georgiy-vasilev_ru.html
- Локшина, Л. (2002, 30 ноября). Нерастреленная дважды. *Московский комсомолец*. <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2002/11/30/130259-nerastreennaya-dvazhdy.html>
- Рохлин, А., Гузаирова, А., Афанасьева, Н., Рыбкин, П. (2003, 24 октября). Рассказывают заложники Н. Любимов, А. Розовская, М. Шумский, М. Казаринова и др. *Nord-Ost*. https://nord-ost.org/terakt/rasskazyvayut-zalozhniki-n.lyubimov-a.rozovskaya-m.shumskiy-m.kazarinova-i-dr-2_ru.html
- Лютых, С., Окунев, Д. (2022, 26 октября). Теракт на Дубровке: воспоминания заложников «Норд-Оста», как проходил штурм театрального центра. *Lenta.ru*. https://lenta.ru/articles/2022/10/26/nord_ost/
- Мельникова, О. Т., Хорошилов, Д. А. (2020). *Методологические проблемы качественных исследований в психологии*. Акрополь.
- Отрадинская, В. В. (2011). *Социально-психологические особенности переживания и совладания с ситуацией потери ребенка в террористическом акте (на примере матерей Беслана)* (Канд. диссертация). Российский государственный социальный университет, Москва.
- Решетников, М. М. (2006). *Психическая травма*. Восточно-Европейский институт психоанализа.
- Солдатова, Г. У., Шайгерова, Л. А., Шляпников, В. Н. (2008). Психологические последствия террористического акта: опыт Беслана. *Психологический журнал*, 29(6), 15–25.
- Сталь, А. (2002, 26 декабря). Рассказывает заложник А. Сталь. *Nord-Ost*. https://nord-ost.org/terakt/rasskazyvaet-zalozhnik-a.stal-3_ru.html
- Степанова, Л. (2006, 5 мая). Рассказывает заложница жительница Снежинска. *Nord-Ost*. https://nord-ost.org/terakt/rasskazyvaet-zalozhnitsa-zhitelnitsa-snezhinska_ru.html
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2025). Ст. 206. Захват заложника. [КонсультантПлюс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- Хорошилов, Д. А., Машков, Д. С. (2020). Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 10(1), 18–32.
- Шойгу, Ю. С. (ред.). (2007). *Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных*. Смысл.
- Шойгу, Ю. С. (ред.). (2019). *Психология экстремальных ситуаций: Учебник для вузов*. Санкт-Петербург: Питер.
- Alexander, D. A., & Klein, S. (2009). Kidnapping and hostage-taking: a review of effects, coping and resilience. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 102(1), 16–21. <https://doi.org/10.1258/jrsm.2008.080347>
- Alexander, D. A., & Klein, S. (2010). Hostage-taking: motives, resolution, coping and effects. *Advances in Psychiatric Treatment*, 16(3), 176–183. <https://doi.org/10.1192/apt.bp.108.005991>
- Ankersmit, F. R. (2005). *Sublime historical experience*. Stanford University Press.
- Bartlett, F. C. (1932). *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge University Press.
- BBC News Russian. (2017, 23 октября). «Они не собирались нас убивать»: воспоминания заложницы «Норд Оста». *BBC News Russian*. <https://www.bbc.com/russian/features-41711874>
- Bisson, J. I. (2007). Post-traumatic stress disorder. *British Medical Journal*, 334(7597), 789–793. <https://doi.org/10.1136/bmj.39162.538553.BE>
- Brewin, C. R., Andrews, B., & Valentine, J. D. (2000). Meta-analysis of risk factors for posttraumatic stress disorder in trauma-exposed adults. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 68(5),

- 748–766. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.68.5.748>
- Charmaz, K. (2006). *Constructing grounded theory: A practical guide through qualitative analysis*. Sage Publications.
- Clarke, A. E. (2005). *Situational analysis: Grounded theory after the postmodern turn*. Sage Publications.
- Drury, J., & Cocking, C. (2007). The mass psychology of disasters and emergency evacuations: A research report and implications for practice [Research report]. Department of Psychology, University of Sussex. <https://www.researchgate.net/publication/253362722>
- Easton, J. A., & Turner, S. W. (1991). Detention of British citizens as hostages in the Gulf—Health, psychological, and family consequences. *British Medical Journal*, 303(6812), 1231–1234. <https://doi.org/10.1136/bmj.303.6812.1231>
- Favaro, A., Degortes, D., Colombo, G., & Santonastaso, P. (2000). The effects of trauma among kidnap victims in Sardinia, Italy. *Psychological Medicine*, 30(4), 975–980. <https://doi.org/10.1017/S0033291799001877>
- Heaton, J. (2004). *Reworking qualitative data*. Sage Publications.
- Hinds, P. S., Vogel, R. J., & Clarke-Steffen, L. (1997). The possibilities and pitfalls of doing a secondary analysis of a qualitative data set. *Qualitative Health Research*, 7(3), 408–424. <https://doi.org/10.1177/104973239700700306>
- Horowitz, M. J. (1986). *Stress Response Syndromes* (2nd ed.). Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Hostage Aid Worldwide. (2024). *Global Hostage Report 2024*. Retrieved from <https://hostageaid.org/wp-content/uploads/2025/03/Hostage-Aid-Global-Hostage-Report-2024-Version-V1.1.pdf>
- Janoff-Bulman, R. (1992). *Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma*. New York: Free Press.
- Kumar, P. (2022). Stockholm syndrome: An understanding. *Journal of Psychosocial Wellbeing*, 3(1), 1–4. <https://doi.org/10.55242/JPSW.2022.3101>
- Laufer, A., & Solomon, Z. (2006). Posttraumatic symptoms and posttraumatic growth among Israeli youth exposed to terror incidents. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 25(4), 429–447. <https://doi.org/10.1521/jscp.2006.25.4.429>
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer Publishing Company.
- Levkovich, I., Elyoseph, Z., & Shinan-Altman, S. (2025). Coping strategies during captivity: a qualitative study on released civilian abductees in Gaza. *BMC Psychology*, 13, 883. <https://doi.org/10.1186/s40359-025-03183-0>
- Lifton, R. J. (1967). *Death in life: Survivors of Hiroshima*. New York: Random House.
- Namnyak, M., Tufton, N., Szekeley, R., Toal, M., Worboys, S., & Sampson, E. L. (2008). 'Stockholm syndrome': Psychiatric diagnosis or urban myth? *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 117(1), 4–11. <https://doi.org/10.1111/j.1600-0447.2007.01112.x>
- Park, C. L. (2010). Making sense of the meaning literature: An integrative review of meaning making and its effects on adjustment to stressful life events. *Psychological Bulletin*, 136(2), 257–301. <https://doi.org/10.1037/a0018301>
- Solomon, Z. (1988). The effect of combat-related posttraumatic stress disorder on the family. *Psychiatry (New York)*, 51(3), 323–329. <https://doi.org/10.1080/00332747.1988.11024407>
- Strauss, A., & Corbin, J. (1998). *Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory* (2nd ed.). Sage.
- Tedeschi, R. G., & Calhoun, L. G. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 15(1), 1–18.
- Van der Kolk, B. A. (2014). *The body keeps the score: Brain, mind, and body in the healing of trauma*. New York: Viking.
- Wertsch, J. V. (2002). *Voices of collective remembering*. Cambridge University Press.

Поступила в редакцию: 06.08.2025

Поступила после рецензирования: 28.08.2025

Принята к публикации: 12.01.2026

Заявленный вклад авторов

Мария Олеговна Булич – разработка дизайна исследования, сбор и анализ данных, интерпретация результатов, подготовка текста рукописи.

Галина Уртанбековна Солдатова – постановка проблемы, научное руководство, консультирование по методологии исследования, критический анализ и доработка текста рукописи.

Информация об авторах

Мария Олеговна Булич – аспирант факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация; ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-5976-3147>; e-mail: mariya.bulichh@gmail.com

Галина Уртанбековна Солдатова – академик РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры психология личности факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация; ResearcherID: I-6107-2012, Scopus ID: 15623581100, Author ID: 625610, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>; e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.